

Кузмин Михаил Алексеевич

**Плавающие
путешествующие**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Алексеевич К.**
Плавающие путешественники / Кузмин Михаил Алексеевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 290 с.

ISBN 978-5-519-91571-7

ISBN 978-5-519-91571-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА 1.

— Ну, можно ли такъ долго спать?

— Развѣ такъ поздно?

— Скоро два. Я принесъ вишень.

— Ты уже выходилъ, Орестъ?

— Очевидно. Лучше того: я уже работалъ.

— Это ужасно, Орестъ. Ты всегда—какъ укоръ совѣсти. А я всегда просыпаю. Ну, съ завтрашняго дня начну жить по новому; у насъ завтра что? среда? Ну, вотъ и отлично... а смѣшные вчера стихи говорилъ въ „Совѣ“ этотъ московскій типъ. По правдѣ сказать, я ничего не понималъ. А Лелечка, по моему, совсѣмъ напилась. Она—забавный звѣрекъ. Ну, ужъ твоя Ираида, благодарю покорно!

— Она очень достойная женщина, Ираида Львовна.

— Я ея достоинствъ отъ нея не отнимаю. Но она очень громоздка для нормальнаго времяпрепровожденія, и иногда, прости меня, прямо напоминаетъ Полину. Нельзя же изъ всякой малости дѣлать катастрофы и великіе вопросы! если у нея попросить 10 р., она ихъ дастъ съ такимъ видомъ и съ такимъ чувствомъ, будто спасаетъ голодающую деревню.

— Да ты одѣваешься, или просто такъ болтаешь?

— Я уже почти всталъ. Разъ у меня голова отодрана отъ подушки,—дѣло сдѣлано.

И въ двери просунулась голова почти подростка со спутанными свѣтло-русыми волосами, подпухшими глазами, открытымъ, будто еще не выспавшимся, ртомъ, очень розовыми щеками.

— Ну, здравствуй, Лаврикъ!

— Я еще не умывался,—проговорилъ другой и снова исчезъ за дверью. Орестъ Германовичъ самъ развязалъ покупки и подошелъ къ столу, гдѣ лежалъ большой, сѣрый конвертъ съ надписью: Оресту Германовичу Пекарскому, въ собственныя руки. „Отъ неукротимой Ираиды“, вспомнилось Пекарскому выраженіе Лаврика, и онъ сталъ читать длинное посланіе...

„При томъ любовной клятвой связанъ
Совсѣмъ съ другой, совсѣмъ съ другой.“

Лаврикъ вошелъ, напѣвая, молча поцѣловался и принялся за вишни.

— Какъ скучно, когда пишутъ такія длинныя письма. Еще скучнѣе, когда ихъ при васъ читаютъ, и уже совсѣмъ невесело, когда знаешь, что это письмо написано женщиной, которая тебя терпѣть не можетъ.

— Откуда ты знаешь это? Она просто въ тебѣ разбирается, какъ и во всѣхъ людяхъ.

— Никогда не повѣрю, чтобъ Ираида могла не только разобратся, но и разбираться; у нее слишкомъ оглушительный темпераментъ и неистовыя желанія спасать людей отъ несуществующихъ катастрофъ.

— Ираида Львовна—мнѣ большой другъ, и опять-таки повторяю, очень достойный человѣкъ,—потому нахожу твои насмѣшки неумѣстными.

— Ахъ, простите пожалуйста, дядюшка Орестъ Германовичъ,—сказалъ Лаврикъ, держа вишню во рту.

— Я не зналъ, что это—табу.

— Да, это—табу.

Орестъ Германовичъ, дѣйствительно приходился дядей Лаврику, носившему ту же фамилію Пекарскаго. Онъ не только приходился дядей, но былъ единственнымъ родственникомъ своего племянника, такъ что, дѣйствительно, и забота и отвѣтственность за послѣдняго лежали на немъ, Орестѣ Германовичѣ. И заботы и отвѣтственности было не мало, такъ какъ выгнанный изъ реальной гимназіи Лаврикъ былъ мальчикомъ живымъ, безпечнымъ, веселымъ, и ничего не хотѣлъ дѣлать, кромѣ какъ писать какіе-то стихи, да бродить по городу. По правдѣ сказать, Ореста Германовича это не очень тяготило, такъ какъ онъ самъ былъ человѣкомъ безпечнымъ и не думалъ о будущемъ, отчасти же потому, что съ водвореніемъ Лаврика въ его трехъ комнатахъ, въ нихъ появился духъ молодости и веселаго бездумья. Можетъ быть, и правъ былъ младшій Пекарскій, думая, что авторъ письма, полученнаго Орестомъ Германовичемъ, не очень то его, Лаврика, долюбливаетъ. Конечно, письмо было совсѣмъ не объ этомъ, и этого ясно не было сказано, но за ласковыми фразами чувствовалось скрытое безпокойство, хорошо ли идутъ занятія, и, вообще, вся жизнь Ореста; спокойно ли ему, и какъ-то все сводилось къ тому, что и безпокойство, и несчастія, и неудобства, которыя могли бы происходить съ Пекарскимъ, главную причину имѣютъ въ его племянникѣ.

Собственно говоря, письмо было ни о чемъ, но это обстоятельство не удивило Ореста Германовича, потому что онъ привыкъ къ подобнымъ оказательствамъ подлинной, хотя нѣсколько и безпокойной дружбы со стороны Ираиды Львовны Вербиной. Виновникъ безпокойствъ этой дамы молча и капризно пилъ кофе, выстукивая свободной рукой по столу тотъ же оффенбавскій мотивъ. Одѣтый, онъ не казался такимъ маль-

чикомъ, но во всякомъ случаѣ, крайне молодымъ человекомъ. Только наливъ своему племяннику вторую чашку, Орестъ сказалъ:

— Хочешь со мной поѣхать на Фонтанку? Это не мѣшало бы.

Лаврикъ сдѣлалъ гримасу и промолчалъ.

— Я знаю, что тебѣ это скучно, но тебѣ больше, чѣмъ кому бы то ни было, слѣдуетъ поддерживать порядочныя знакомства. Конечно, богема и разные неизвѣстные мальчики—очень мило, но если ты серьезно думаешь о литературѣ, о своемъ успѣхѣ, то тебѣ нужно посѣщать и другіе круги,—не спорю, скучные, но почтенные и полезные,—и нѣсколько исправить свою репутацію.

— Ахъ, Боже мой, Орестъ! Ты говоришь такъ, будто ты дѣйствительно мой дядя и тебѣ 50 лѣтъ. Вѣдь это же безмѣрно скучно, и отъ этого не только не разовьется, если что-нибудь у меня и есть, а окончательно засохнетъ!

— Да, но мнѣ и дѣйствительно, хоть не 50, но 32 года, и все-таки я твой дядя.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ты на себя наговариваешь. Ты все говоришь официально и какъ хотятъ разныя дурацкія барыни вродѣ твоей Иранды. Я знаю—ты мой ровесникъ и никакой не дядя. Зачѣмъ ты хочешь наши отношенія замѣнить какими-то ординарными разнициами между старшими и младшими? Есть огромная разность между нами, но она легка и незамѣтна,—радостна для тѣхъ, кто любитъ. Если-бъ даже ты самъ захотѣлъ обратитъ эти отношенія въ исправительное вліяніе брюзгливаго и благодѣтельнаго старшаго родственника, то тебѣ это не удастся, потому-что я для тебя слишкомъ дорогъ.

Лаврикъ вскочилъ въ волненіи, бросилъ окурокъ

на полъ и вдругъ такъ покраснѣлъ, что сдѣлался розовѣе розовой обивки кресла, на которое онъ опустился, тотчасъ же закуривъ новую папиросу.

Орестъ Германовичъ переложилъ окурокъ съ полу въ пепельницу и подойдя къ креслу, гдѣ сидѣлъ Лаврикъ, началъ нѣсколько глухимъ, и, повидимому, спокойнымъ голосомъ:

— Милый Лаврикъ, ты, конечно, правъ. Конечно, я все говорю противъ сердца, единственно желая тебѣ добра.

— Ахъ, мое добро исключительно въ томъ, чтобъ ты былъ около меня, иначе я погибну.

— Да, но этого мало. Можетъ случиться такъ, что если мы не будемъ разсудительными, мы оба погибнемъ.

— Оба погибнуть, пока мы вмѣстѣ, мы не можемъ. Ну, что можетъ съ нами случиться? Я беру самое ужасное: оба мы обнищаемъ, попадемъ въ тюрьму, умремъ, насъ повѣсятъ. Развѣ это гибель? А вотъ если ты меня прогонишь, это будетъ не только моею гибелью, но и твоею!

И Лаврикъ ринулся бѣгать по комнатѣ, покуда Орестъ не остановилъ его, взявъ подъ руку.

— Какой ты глупый, Лаврикъ! Никто не хочетъ, чтобъ мы съ тобой разставались; все, что ты говорилъ, конечно, правда. Я нѣсколько ворчливъ сегодня, потому-что предстоитъ платить за разныя вещи, а деньги изъ Москвы задерживаютъ почему-то.

Лаврикъ спросилъ вдругъ неожиданно просто, будто и не онъ минуту тому назадъ ораторствовалъ съ такимъ жаромъ:

— Такъ что у тебя совсѣмъ нѣтъ денегъ?

— Есть какая-то мелочь.

Племянникъ поморщился.

— Жалко.

— А тебѣ нужно что-нибудь?

— Да... Но, это ничего. Какъ-нибудь обойдусь.

И будто, чтобъ отвлечь разговоръ, онъ спросилъ:

— Ты сегодня много поработалъ?

— Порядочно. Я очень весело писалъ съ утра. Потомъ меня нѣсколько разстроило это письмо.

Лаврикъ незамѣтно улыбнулся и продолжалъ, сдѣлавъ видъ, что пропустилъ мимо ушей послѣднюю фразу дяди:

— Ты опять будешь писать? Очень прошу тебя, напиши покуда. Мнѣ тутъ нужно сходить по одному дѣлу, а на Фонтанку я за тобою зайду попозже.

Они подошли къ столу, не слишкомъ заваленному бумагами, свѣтлую политуру котораго еще болѣе холодили небольшіе, бѣлые листки начатаго разсказа. Изъ свѣтлой рамки свѣтлые Лавриковы глаза лукаво взирали на разорванный сѣрый конвертъ, а самъ Лаврикъ, уже простившись съ Орестомъ, не удержался, чтобъ не замѣтить:

— А всѣ хлопоты и дружба и тѣснота, которую заводитъ Ираида Львовна, объясняется очень просто: она влюблена въ тебя—вотъ и все.

ГЛАВА 2.

Въ квартиру Вербиной входили со двора; впрочемъ, у этого стариннаго дома и не было входа съ улицы. Но если Ираидѣ Львовнѣ и непріятно было во всякую погоду пѣшкомъ переходить дворъ, окруженный на манеръ итальянскихъ монастырей, или старинныхъ гостинныхъ дворовъ, низкими аркадами, то это неудобство вполне искупалось внутреннимъ устройствомъ квартиры, гдѣ необычайное расположеніе комнатъ, изобиліе

коридоровъ, людскихъ и шкапныхъ, внутреннія лѣстницы и антресоли, — сохраняло подлинный характеръ 30-хъ годовъ, что необычайно радовало хозяйку, уставившую свои апартаменты старинною же мебелью, отчасти перевезенной изъ Смоленской усадьбы, отчасти найденной въ Александровскомъ рынкѣ. Госпожа Вербина не только въ обстановкѣ, но и въ костюмахъ старалась сохранить характеръ старинности, который очень шелъ къ ея высокой, полной фигурѣ, напоминавшей Брюлловскіе портреты: покатыя плечи, высокій лобъ съ прямымъ проборомъ, большіе, темные, безъ особеннаго выраженія глаза, удлиненный овалъ и маленькій ротъ бантикомъ, — заставляли желать на этой головѣ желтый, турецкій тюрбанъ, а самое Ираиду Львовну видѣть или въ маскарадномъ костюмѣ, сопровождаемую арапчатами, или въ цилиндрѣ и амазонкѣ, готовую сѣсть на сѣраго въ яблокахъ жеребца, привязаннаго у балкона съ широкой лѣстницей въ садъ. Она безъ сомнѣнія знала это сходство и часто принимала позы, сидя на диванѣ, заваленномъ вышитыми подушками, опустивъ свободно узкую кисть руки съ длинными пальцами и выставивъ кончикъ лакированной туфли. Для полноты впечатлѣнія она часто носила декольте, прикрывая его нѣжными, пестрыми тканями, а въ рукахъ держала круглое опахало изъ бѣлыхъ перьевъ съ маленькимъ зеркальцемъ посерединѣ, въ которомъ такъ соблазнительно отражалась ея торжественная, пышная, не безъ примѣси гаремности, красота. Въ этотъ день впечатлѣнію Брюлловскаго портрета нѣсколько мѣшало то обстоятельство, что рядомъ съ Ираидой Львовной на кушеткѣ помѣщалась ея belle-soeur Лелечка Царевская, тоже очень хорошенькая дама, но совсѣмъ не въ стилѣ Ираиды Львовны. Она не напоминала ничьихъ портретовъ, а просто была миленькая блондинка, какихъ

тысячи, но которыя, тѣмъ не менѣе, всегда находятъ достаточное количество цѣнителей. Повидимому, не смотря на родство, обѣ дамы различались и взглядами, по крайней мѣрѣ въ данномъ разговорѣ, потому—что невыразительное лицо старшей носило нѣкій намекъ недовольства, а Лелечка, вся красная, волновалась и горячо доказывала что-то.

Братъ хозяйки, Леонидъ Львовичъ, молча сидѣлъ у окна, перелистывая книгу.

— Я не понимаю, чего же ты ждала? Разъ ты противъ богемы, противъ свободы, противъ артистичности, зачѣмъ же ты туда шла? Если ты шла изъ любопытства, такъ чего жъ тутъ сердиться? Ну, посмотрѣла, не понравилось и не ходи больше... Пускай каждый забавляется по своему.

Низкій, нѣсколько медлительный голосъ Ираиды Львовны отвѣчалъ:

— Ты говоришь — забава. Но вѣдь тамъ бываютъ люди искусства. Это ихъ мельчить, распыляетъ и овульгариваетъ... Они дѣлаются, хотя бы на два часа, людьми распушенными, что не можетъ не отражаться на ихъ искусствѣ.

— Ты смотришь слишкомъ мрачно и серьезно. А я такъ положительно распускаюсь, расцвѣтаю тамъ и и какъ-то непосредственно соприкасаюсь съ искусствомъ, которое во всякое другое время стоитъ въ сторонѣ. Здѣсь оно входитъ въ жизнь, ты понимаешь?..

— Жизнь!.. задумчиво протянула Ираида.

Елена Александровна, будто что понявъ, быстро и какъ-то не кстати весело спросила:

— Ты думаешь объ Орестѣ?

— И о немъ.

— Повѣрь—это его нисколько не интересуеть. Его таскаетъ туда Лаврикъ,

— Тѣмъ хуже.

— И посмотри: ты говорила, что это вліяетъ на искусство. Развѣ Орестъ Германовичъ пишетъ меньше, хуже, чѣмъ прежде? По моему, нѣтъ.

— Да... Но пишетъ совсѣмъ не то, что слѣдовало бы и что, я увѣрена, онъ самъ хотѣлъ бы...

— Очень трудно указывать людямъ, чего они хотятъ, особенно такимъ капризнымъ существамъ, какъ поэты.

Это сказали Леонидъ Львовичъ, не отходя отъ своего окна. Ираида Львовна повела на него глазами и не спѣша отвѣтила:

— Я давно знала, что ты—не христіанинъ съ твоей теоріей невмѣстательства.

— Я не понимаю, при чемъ тутъ мое христіанство?

Елена Александровна, недовольная тѣмъ, что разговоръ переходитъ отъ впечатлѣній вчерашняго вечера къ отвлеченнымъ разсужденіямъ о христіанствѣ, начала было быстро:—А что касается Лаврика...—Но была прервана звономъ телефона, повѣшеннаго тутъ же надъ кушеткой. Ираида Львовна плавнымъ движеніемъ взяла трубку, и первыя ея реплики сохраняли спокойную пѣвучесть, но черезъ нѣсколько секундъ ея глаза округлились, рука выронила опахало съ зеркальцемъ, и въ отвѣтахъ слышалась нескрываемая тревога.

— Что вы говорите, милая?... Нѣтъ, не знаю... Онъ самъ... Я ничего не знаю...

Все можетъ быть... Это же ужасно... Непремѣнно... Сегодня же... Я его жду... Но если онъ не пріѣдетъ, я сама поѣду... До свиданія...

— Это Полина?—шопотомъ спросила Елена Александровна и взяла трубку изъ рукъ Ираиды. Теперь уже зазвенѣлъ Лелечкинъ голосокъ безъ всякой тревоги:

— Милая Полина Аркадьевна! здравствуйте! Выспа-

лись ли вы?.. А? Что? Здѣсь... Ну, конечно, съ мужемъ... Я безъ мужа ѣзжу только въ предосудительныя мѣста. Верхомъ?.. Почему?.. На васъ?.. Но почему же вы то должны ѣздить верхомъ?.. Какой вздоръ... Конечно, конечно, буду ждать... Ну, цѣлую васъ!..

Опустивъ трубку, Елена Александровна разсмѣялась и сказала:—эта Полина—неподражаема. Какой-то ея знакомый генералъ женится—и не на ней вовсе, а она по этому случаю ѣздитъ верхомъ въ манежъ... Я ничего не понимаю... У нея положительно, какъ говорятъ поляки, „заяць въ головѣ“. Но, ахъ, какой милый человѣкъ!

— Только напрасно она держится подъ неприличную даму, замѣтилъ мужъ.

— Ты къ ней всегда несправедливъ. Она премилое и прелеселое созданіе.

— Она несчастный и очень добрый человѣкъ...— заключила Ираида.

Елена Александровна удивленно переглянулась съ мужемъ, но ничего не возразила. Затѣмъ, спросивъ, гдѣ Ираида брала матерію на платье, съ невиннымъ видомъ прибавила:

— Ты сегодня ждешь Ореста? Такъ хотѣлось бы его видѣть, но тысячи дѣлъ. Передай ему, что я его очень люблю, что непремѣнно жду на дняхъ къ себѣ... Если онъ одинъ не двигается, можетъ придти и съ Лаврикомъ. А я съ Леонидомъ исчезаю... До скорого...

Выйдя на улицу, Елена Александровна весело сообщила мужу:

— Я понимаю еще, что Полина можетъ разводить всякія исторіи и соваться въ чужія дѣла, но какъ Ираида ей вѣрять, это непостижимо. Вѣдь нужно быть набитой душой, чтобъ не видѣть, что Полина вретъ на каждомъ шагу. И при томъ злостно вретъ... Такъ, просто